Ростислав и Лия стояли на носу корабля, глядя на приближающийся Радужный Город. Пока они летели над Алашомом, их несколько раз останавливали патрули шуолов на легких и быстрых катерах, один раз патруль состоял из всадников на птицах рух. Коротков немного опасался возможной задержки, но шуолы, узнавая Избранника, пропускали корабль без проволочек.

– Лия, а твой отец не очень рассердится на нас? – спросил юноша.

– Ну, он вообще не склонен сердиться, – Лия приподняла голову, которую держала у Ростислава на плече, – Сейчас он, наверное, очень занят подготовкой обороны…

– Не говори ему про суккуба, ладно?

– Почему?.. Это имеет некоторое значение.

– Я прошу, – юноша почувствовал, как снова покраснели уши, – Мне все еще стыдно.

– Ну ладно, – Лия дернула крыльями. – Раз ты так хочешь.

«Можно вопрос?» – подал голос Мирлас, который сейчас облегал Избранника одеждой из листьев.

«Попробуй…»

«Твоя психологическая матрица сильно отличается от матрицы квостров… Как ты умудряешься уживаться с ними?»

«Сам не знаю… просто веду себя как обычно… – Ростислав дернул крыльями, – Вообще мой народ считает, что нашу психологию трудно объяснить с точки зрения логики…»

«Я бы многое дал, чтобы пожить в твоем мире», – осторожно заметил Мирлас.

«Я не против, – отозвался Ростислав, – Только там хорошего мало».

«Можно подумать, здесь много», – Короткову показалось, что лотофаг фыркнул.

Ростислав же подумал, что наличие симбионта-лотофага в родном мире дало бы парню вроде него способности, сравнимые разве что с супергеройскими.

Корабль тем временем подрулил к пирсу, где их уже ждали – наверняка шуолы сообщили в Радужный о возвращении Избранника. На пирсе толпились квостры, и едва Ростислав с Лией

попали в их поле зрения, все разразились восторженным ревом. Захлопали крылья, когда кто-то взлетел, грянула музыка.

– Ну что, пошли? – спросил Ростислав, с улыбкой глянув на Лию.

– Пошли, – девушка взялась за предложенную руку.

Они вместе шагнули на мрамор нависающего над Великой бездной пирса, и навстречу им шагнул Архимаг Лоарин. Он глянул на дочь, потом на Избранника и вдруг добродушно улыбнулся.

– С возвращением, дочь моя. И тебя тоже, Избранник Ростислав.

Ростислав слегка поклонился, как было положено по этикету, Лия кивнула. Архимаг увидел выходящего с палубы Г’рэга и чуть склонил голову:

– Здравствуй еще раз, благородный посланник Ша’Гора. Прошу тебя быть нашим гостем.

– Почту за честь, – отозвался Г’рэг.

Всех троих отвели с почетным эскортом во дворец Архимага. Ростислав нашел в себе силы махать восторженным горожанам рукой и скромно улыбаться. К груди юноша прижимал хрустальный шар с душами родителей, который хотел показать Ломдар-Каюну сразу после прибытия.

Мирлас затих, явно тоже «глазел» по сторонам. Надо сказать, это вообще был первый лотофаг в Радужном Городе, до того эта раса вела довольно замкнутый образ жизни, мало интересуясь судьбой Каенора. Очевидно, их мнение на корню изменило пришествие к ним крииса Та-Аксе.

Лия, взяв шакмара под руку, быстро отвела его в сторону, где стояли несколько магов, входящих в Совет. Вся знать толпилась вокруг Ростислава, но члены Совета Магов, очевидно, не нуждались в подобных восторгах. Ростислав подумал, что Лия просто захотела представить Г’рэга сливкам магического общества в Радужном Городе, но планы Лии были более оригинальными

Ростислав сперва хотел их окликнуть, но потом передумал и направился за гвардейцами, которые провели его кажущимися бесконечными коридорами в огромный зал, отделанный хрусталем и кристаллами. В центре возвышался граненый обелиск из синего стекла, внутри которого что-то мягко светилось. Это являлось единственным источником света, и углы зала были погружены во мрак.

«Всевидящий Оракул, – пискнул Мирлас, – Вот уж не думал, что увижу его вот так…»

Из-за колоссальной колонны вышел Ломдар-Каюн и улыбнулся.

– Ну, здравствуй, мальчик мой, – сказал он и обнял юношу, – Я так рад, что ты вернулся.

– Спасибо, учитель, – Ростислав чуть смущенно улыбнулся, – Я тоже рад.

– Ростислав, обещай, что никогда не будешь больше так рисковать, – сказал старый маг, – Поверь, когда на карту поставлена судьба всего Каенора – ни одна жизнь или душа не стоит миллионов.

Короткову почему-то казалось, что учитель неспроста попросил его об этом обещании, но в тот момент, когда казалось, что все будет хорошо, опасение не могло сыграть ключевую роль в поведении парня.

– Хорошо, обещаю, – сказал Ростислав, потом протянул квостру шар с душами, – Учитель, я…

– Знаю, – перебил Ломдар-Каюн. – Всё знаю, всё видел. Я помогу. Но после того, как архидемон будет побежден.

– А почему не сейчас?

– Ну, во-первых, если Аргаррон все же победит, то все равно погибнешь и ты, и твои родители. Во-вторых, тебе сейчас попросту не стоит отвлекаться от обучения, тем более, когда мы выгадали несколько недель…

– Как?

– А, ну ты же не всё знаешь… Невдалеке от Алашома была битва между флотом шуолов и армией Аргаррона. Им удалось потрепать архидемона и отбросить его обратно на разоренный Горнагар.

– Вот видишь, учитель, не такой уж он и крутой, этот Аргаррон! – радостно воскликнул он. Его даже посетила шальная мысль – что до битвы с архидемоном и не дойдет вообще.

Лицо Ломдар-Каюна осталось серьезным.

– Мы потеряли очень многих, Ростислав, – после этих слов улыбка Избранника увяла, – Мага Олланара не заменить никакими гениями или магами помладше, два квода ворожей тоже восстановят нескоро. Я уж не говорю о потерях наших союзников.

«Может, представишь нас? – вдруг подал голос Мирлас, – Извини, что встреваю, но маг уже

давно заметил меня и ждет того же самого».

– А, да, – Ростислав протянул руку ладонью вверх, в которой почти мгновенно вырос большой цветок, – Позволь представить тебе Мирласа, моего… моего…

– Симбионта, – сказал Ломдар-Каюн, потом посмотрел на лотофага. Видимо, что-то мысленно передал, потому что Ростислав почувствовал легкое покалывание в голове в районе темени.

– Ну, как? – спросил юноша.

– Прекрасно, – Ломдар-Каюн улыбнулся, – Сегодня иди и отдохни с дороги, а с завтрашнего дня я и Т’зиро возьмемся за тебя всерьез. И так много времени потеряли. Благодаря твоему новому другу обучение можно будет ускорить раз в десять, но все равно времени мало.

Ростислав вздохнул и улыбнулся.

– Что угодно, учитель, – сказал он, отдав шар магу. Ему сейчас было хорошо. Он был готов на все, и даже архидемон казался не главной опасностью, а досадной помехой на пути к встрече с родителями.

* * *

Аргаррон лежал у себя на огромной постели, а на его груди посапывала свернувшаяся комочком Офелия. Эта ночь была самым приятным, что происходило с архидемоном за его нынешнюю инкарнацию, и он ругал себя последними словами, что не вызвал суккуба раньше. В самом деле, сил на её вызов ушло бы относительно немного, а наслаждение она могла доставлять несравнимое ни с чем. Впрочем, как показал провал с Избранником, другой пользы от нее практически не было.

Лапа архидемона ленивыми движениями поглаживала тело суккуба. Та что-то мурлыкала в полудреме, иногда дергая хвостом. Крылья демонессы обнимали Аргаррона за плечи, и тот испытывал чувство, сопоставимое с неуклюжей нежностью. На спине суккуба еще виднелся след от попадания Истинного Света, которым в злобе приложила ее ворожея, когда Избранник уже почти что стал пленником Офелии.

«Ну, ничего, – подумал Аргаррон, – Раз я пока застрял на Горнагаре, значит, надо изменить тактику. Если не выходит блицкриг, перейдем к осаде».

– Малышка, – он осторожно потряс суккуба за плечо.

– М?.. – Офелия подняла на него взгляд и сладко зевнула, показав клыки.

При мысли об игривых покусываниях в самых неожиданных местах Аргаррона посетило желание задержаться в покоях еще ненадолго, но он погнал ее прочь: работы было выше крыши, он и так позволил себе непростительно долгий отдых.

– Мне надо работать, – сказал архидемон, вставая с кровати. Демонессу он аккуратно положил на черный шелк простыней, смятых после бурной ночи.

– Вот всегда так, – надулась Офелия, перекатилась на живот и, согнув ноги в коленях, оплела их хвостом.

Аргаррон погрозил ей пальцем:

– Офелия, я тебя очень ценю, но и о делах нельзя забывать…

– Вызови мне Асмургаррона, – попросила Офелия, – Я его хочу.

Тут архидемон, уже открывший пасть для ответа, задумался. Асмургаррон был могущественным демоном, который мог стать неплохой заменой развоплощенному Деймосу, но была одна загвоздка, или даже две: во-первых, Аргаррон весьма сомневался в преданности этого типа, а, во-вторых, он совершенно непотребно и по-смертному ревновал к нему Офелию. Впрочем, последняя могла послужить неплохим рычагом воздействия…

– Хорошо, – сказал Аргаррон, – Но ты должна будешь убедить его служить мне.

– Конечно, дорогой, – суккуб открыла ротик и поиграла языком между губами, – Он согласится на что угодно, когда я поиграю на его флейте.

Архидемон рыкнул и вышел. Он, безусловно, знал, что в одиночку суккуба не удавалось удовлетворить еще никому, но все равно он хотел, что Офелия принадлежала ему одному.

«Когда я стану богом, она будет только моей», – подумал архидемон, заходя в заклинательный покой.

Несколько ассистентов-колдунов оторвались от своих занятий и безмолвно подошли в своему повелителю.

– Готовьте гексаграмму, – сказал Аргаррон, – Я должен вызвать себе кое-кого.

Колдуны засуетились, а архидемон потянулся сознанием в Астрал, где над его духовной сущностью кружил смерч из плененных душ. Он начал вбирать в себя их энергию, и тут же тонкая струйка силы превратилась в поток, когда несчастных призраков начал терзать ужасный холод. Несколько из них развоплотилось, но Аргаррону было наплевать: десятком больше, десятком меньше…

Когда Аргаррон снова сосредоточился на материальном мире, насыпанная волшебным песком гексаграмма уже была готова, а колдуны жались к стенкам, внимательно наблюдая за повелителем.

Повинуясь жестам и словам архидемона, нити волшебных потоков слились в багрово-черный узор, являющийся как бы продолжением гексаграммы и накрывающий ее подобием купола.

– Жертву! – приказал архидемон, и внутрь горящего узора полетел карлик с вырванным на алтаре сердцем.

Нити вспыхнули, и ударной волной разбросало всех колдунов. Аргаррон, стоя посреди бушующих потоков, расправив крылья и раскинув в стороны руки.

– Приди, Асмургаррон! – выкрикнул архидемон, – Приди, ибо, я Аргаррон, призываю тебя!

В зал вошла Офелия и встала у дверей, облокотившись на стену. Если бы Аргаррон ее увидел сейчас, возможно, он бы потерял контроль над заклинанием, и неизвестно чем бы это кончилось. Но архидемон смотрел в другую сторону, на проявляющуюся в потоках багрово-алого огня фигуру – почти с самого Аргаррона размером, похожую помесь гуманоида и скорпиона с осиными крыльями.

В следующий миг все резко стихло, и Аргаррон взревел от отдачи, когда в него ушел весь излишек энергии. Сзади к нему подошла Офелии и обняла, пощекотав грудь коготками.

– Спасибо, дорогой, – мурлыкнула она, потом посмотрела на Асмургаррона, – Асмур, привет, я скучала.

– О… – проскрипел демон, выходя из гексаграммы. Его хитиновый хвост волочился по полу со зловещим шуршанием, на кончике жала дрожала капля яда, – Офелия, сколько лет, сколько зим, – он перевел взгляд фасетчатых глаз на архидемона, – Аргаррон… что ж, вижу, собирается старая добрая команда Пандемониума… Ну здравствуй, старый пират.

– Здравствуй, Асмургаррон, – демоны обменялись рукопожатием и неискренне обнялись.

– Дорогой, оставишь нас на пару… часов? – спросила Офелия, чуть скребя коготками по спине Аргаррона.

– Конечно, – оскалился архидемон, – У меня куча дел. Объяснишь Асмуру, что к чему?

– С радостью, – демонесса улыбнулась и облизнула губы длинным языком, – Немедленно.

Аргаррон вышел, услышав, как Офелия, пискнув, повисла на демоне. Когда нужно было, суккуб могла выглядеть очень искренней. Архидемон отказывался понимать, что Офелия нашла в этом хитиновом уроде, у которого даже нормального любовного мускула не было, не то, что у него, Аргаррона.

Архидемон, идя по коридору, поймал себя на мысли, что думает не о делах, а исключительно о том, как Офелия совокупляется с Асмургарроном.

«И что она в нем находит? – зло думал он, – Таракан несчастный. Ничтожество… пару смертных замучает и счастлив до повизигивания… Но боец хороший, что ни говори. Правда, надо его держать подальше от алтаря, а то насосется дармовой силой и обнаглеет».

Аргаррон вернулся в кабинет и жестом пригласили заходить по одному толпящихся у дверей офицеров, посыльных и прочих страждущих с докладами.

За делами архидемон даже не заметил, как стемнело.

За день он перебрал целую гору бумаг, отдал распоряжения, касающиеся обороны и обустройства Горнагара и прилегающих островов, добился, чтобы предприятия карликов снова заработали. Правда, пришлось ставить к станкам зомби и рабов, что не могло не сказаться на производительности, но это было лучше, чем ничего.

Аргаррон переформировал военные подразделения, распределив вооружение, воинов и транспорт, наладил выдачу провианта, кто в этом нуждался, разумеется. Для ходячих мертвецов провианта не требовалось, для вызванных недавно некромантами призраков тем более.

В распределении ключевых должностей тоже было не все в порядке. Обязанности главного жреца архидемон возложил на наиболее толкового колдуна из гарров, но заменить Деймоса по эффективности жертвоприношений он, увы, не мог. Администрацию на Горнагаре и в окрестностях пришлось передать Императору, который и без того еженедельно был вынужден выходить на связь с Грамбом, когда вопросы тамошнего управления требовали его слова.

Архидемон полагал, что его тело не может физически устать. Но устал он сам от бесконечной беготни, суеты, разрывающегося от вызовов шара Эха Тьмы, тупости и разгильдяйства подчиненных. Пришлось срубить немало бестолковых голов, прежде чем на должностях появились хоть что-то соображающие индивиды.

Когда дела были улажены, Аргаррон вернулся к себе и узрел лежащую на своей кровати Офелию, призывно на него смотрящую. После воздушного поцелуя Аргаррону захотелось взвыть, но он сдержался.

– Может, потом? – спросил он, – Я вымотался, как не знаю, кто.

Офелия, как обычно, когда ее что-то не устраивало, надула губки и укоризненно посмотрела на могучего архидемона.

– Может, Асмургаррона позовем? – спросила она, улыбнувшись, – Втроем веселее будет.

– Зови, – архидемон взмахнул рукой, – Устроим старую добрую оргию на троих.

– Я здесь уже, – сказал Асмургаррон, висящий на потолке, обвив хвостом какую-то балку, – Но, прежде, чем наша общая любовь увлечет нас своими ласками, надо кое-что обсудить.

– Я весь внимание, – Аргаррон сбросил с себя латы и сел на кровать. Офелия довольно пискнула и сползла на пол перед Аргарроном, завладев его плотью.

– Ты собираешься снова стать богом-претендентом, – Асмургаррон свалился на пол и подошел к кровати, – А что получу я в случае, если ты приобретешь власть?

– Ах, вот оно что, – Аргаррон старался выглядеть невозмутимым, но стараниями суккуба это было очень и очень трудно, – Прейскурант, – он сделал паузу, – Хорошо, подойдем с другой стороны. Что бы ты сам хотел?

На морде, жутко сочетавшей в себе черты гуманоида и насекомого, отобразилось что-то вроде усмешки.

– Ее, – сказал демон, протянув руку и положив руку на голову занятой Офелии.

Аргаррону потребовалось двойное усилие, чтобы сохранить внешнее спокойствие: во-первых, ему не давал покоя язык, губы и зубки Офелии, а, во-вторых, от гнева у него перехватило горло.

Он совладал с собой и расслабил мышцы гортани, после чего переспросил, надеясь ослышаться:

– Ее? Офелию?

– Именно, – руки демона алчно прошлись вдоль тела суккуба, – Согласись, ей со мной лучше, чем с тобой, хоть ты и могущественнее меня.

– Ах, ты!.. – выдохнул Аргаррон, – Да я…

– Ну, не хочешь как хочешь, – Асмургаррон немного отполз, но хвост с ядовитым жалом на конце поигрывал с телом демонессы, поглаживая то талию, то бок, то заходя на грудь, – Только тогда не советую поворачиваться ко мне спиной, Аргаррон.

Архидемон задумался, потом протянул руку вниз и приподнял лицо Офелии, держа его за подбородок.

– А что ты сама скажешь? – спросил он.

Офелия отпустила плоть Аргаррона: и подняла взгляд:

– Ты спрашиваешь моего мнения? Но почему? Ты же вызвал меня…

Аргаррон молча смотрел на нее, ожидая ответа.

Демонесса задумалась. Для планов Аргаррона было бы лучше, чтобы Асмургаррон был преданным, а, значит, она должна быть обещана именно ему. Но Аргаррон, став богом-претендентом, может в таком случае отнестись к самой Офелии, как к простому инструменту и покинуть на этом плане бытия, а то и вернуть в Преисподнюю.

– А я не буду выбирать, – сказала суккуб, – Мне кого-то одного из вас будет мало в любом случае. Аргаррон мне больше нравится внешне, а с тобой, Асмур, масса экзотики, учитывая твои формы во всех местах, – она игриво подмигнула сперва одному, потом второму, – А теперь не начнем ли мы?

– Действительно, – сказал Аргаррон, потом повернулся в Асмургаррону, – Как ты думаешь, неужели на обоих не хватит добычи, когда этот мир будет лежать у наших ног? Кроме того, ни один из нас и вправду неспособен удовлетворить нашу общую любовь самостоятельно.

– Поглядим, – демон снова подошел поближе и тоже прижался телом к демонессе, – Хорошо, обсудим потом, когда будет более ясное будущее.

Тем, кто имел несчастье поселиться в соседних с Аргарроном покоях, всю ночь мешали спать рык демонов и похотливое визжание суккуба. Судя по треску, который раздался уже ближе к рассвету, эта троица в порыве страсти сломала кровать…

* * *

Ростислав взялся за тренировки с новой силой. Благодаря Мирласу, теперь не приходилось заучивать магию или боевые ухватки долго. Лотофаг так ловко стимулировал нужные зоны мозга Ростислава, что тот прочно запоминал любую информацию или приемы где-то на десятом разе. Таким образом, за неделю Избранник выучивался тому, на что раньше уходили бы месяцы. Правда, был и побочный эффект: без Мирласа, когда Ростислав искал уединения или общества Лии, у него в голове происходил некоторый сумбур, кое-какие данные забывались. Но, как объяснил Мирлас, это явление было временное. Надо было, скажем, полдня посвятить перебиранию в уме выученного, как все разложилось бы по полочкам само собой.

День шел за днем, а Аргаррон все не проявлял себя. Границы владений Света патрулировали лучшие флоты шуолов, поддерживаемые квострами, но никто не посягал ни на Алашом, ни на Радужный Город. Заклинания же наблюдения и посылаемые в тыл к противнику сильфы докладывали одно: гарры вроде бы налаживают жизнь на Горнагаре и бывших островах Братства Молота. Постепенно травят партизан в катакомбах, восстанавливают города и заводы, строят заново срытые укрепления. С той лишь разницей, что на земли карликов теперь переселяли гросков, гарров и некоторое количество шакмаров.

Последних, надо сказать, становилось все больше, ведь служба у Аргаррона сулила плодородный надел земли, хороший климат и достаток – все то, чего в Шакмарии было столь мало, что оно могло принадлежать лишь избранным. А Ша’Гор, увы, не мог предложить ничего, кроме жизни в изоляции и защиты родной земли, которая представляла собой кусок безжизненных скал и песка.

Аргаррон не вылезал из своей крепости, которую магией возвёл на месте столицы карликов. Вся администрация завязалась на этот оплот Тьмы, но там не собирались армии и флот, не творилась могучая магия и не поднимались орды демонов и мертвецов. Вообще смахивало на обычное становление государства, если бы не была известна конечная цель Аргаррона: возведение самого себя в ранг бога-претендента.

– Если бы я не знал Аргаррона, я бы предположил, что он взялся за ум и налаживает мирную жизнь, – говорил по этому поводу Архимаг Лоарин, и все были с ним согласны.

Избранник же был словно окрылен, причем не только в прямом смысле. И дело было не в его успехах, вернее, не только в них. Он чувствовал себя прекрасно, когда возвращался с тренировок к себе, где его почти всегда ждала Лия, окружавшая юношу своей любовью. Она далеко не всегда была доступна, отговариваясь магическими и религиозными делами, не допускающими близости на какой-то конкретный период, но Ростислав, в общем, не настаивал, хотя иногда и сожалел, что дальше поцелуев на ночь дело не доходило.

Ростислав нередко улетал из Радужного Города, становясь на Небесную Тропу. Он долетал

почти до самой границы, бывал в городах и на полях острова Алашом, вселяя своим видом надежду в народ шуолов и разгоняя гнетущую атмосферу ожидания нападения архидемона. Ростиславу не очень нравилось всеобщее внимание, но он и без подсказки магов Радужного прекрасно понимал, насколько важно было поддерживать дух народа и армии. Благо, перемещение по Небесной Тропе происходило настолько быстро, что Коротков успевал за пару часов пролететь над десятком наиболее густозаселенных мест, сверкая парадными доспехами в свете солнца над городами и крепостями.

Он часто думал о родителях и примерно раз в два-три дня приходил к Ломдар-Каюну по вечерам, чтобы побеседовать с ними. Хрустальный шар с душами Максима и Анны хранился на бархатной подставке, сделанной специально для этого группой студентов-магиков. Ростислав рассказывал родителям о своей жизни в Радужном Городе, а те делились с ним размышлениями.

К ним пару раз приходили Архимаг Лоарин и Ломдар-Каюн, обсуждая будущие тела для родителей Избранника. Ни отец, ни мать еще не выбрали, кем им стать: квостры были больше похожи на людей и могли летать, но шуолы были ближе к людям по своему менталитету, кроме того, их тела не несли в себе ничего нового. Ростислав высказал мнение, что обращаться с крыльями можно научиться за неделю, а потом ни за что не разучишься – как в случае с велосипедом. Кроме того, в Радужном Городе было немало построек, к которым можно было подобраться только по воздуху. Делалось это не для защиты от шуолов, а просто для удобства квостров. Шуолы обычно пользовались летающими лодками или заклинаниями левитации, если у них возникала необходимость посетить то или иное здание, предназначенное для квостров.

Несмотря на все доводы, родители все равно колебались, и Ростислав перестал советовать. В конце концов, оба были взрослыми людьми, много повидавшими, и уж конечно, могли сделать выбор самостоятельно.

http://tl.rulate.ru/book/100869/3456701